

УДК 008:394.2(477.75)

КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН КАЛЕНДАРНОГО ПРАЗДНИКА: ДИАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ПРАЗДНИКА «ОСЕНИНЫ»)

Брызжак О. В.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: o.v.bruzhak@mail.ru

Системы традиционного природопользования и форм застройки, на протяжении веков создают культурные ландшафты. Эволюция жизни является эволюцией информационной молекулы. С функциональной асимметрией полушарий головного мозга человека сравнивается полюса специфических соотношений модальности большого магнита планеты Земля, Востока и Запада. Крым фокусирует, как исторический регион Циркумпонта, географическим положением, знак своеобразного маяка для морских и сухопутных векторов этнических движений Евразии. Ментальность задает способы понимания мира, модели действия и определяет вектор творческой активности этноса. Семиотические способности культуры адаптироваться к целям и задачам человека проявляются в отношениях к объектам географического пространства, превращая их в знаки, которые находятся между собой в особых отношениях, формируя культурный ландшафт как знаковую систему, осуществляя то, что позволяет в истинном смысле преобразовать реальность в ценностный мир ноосферы.

Ключевые слова: Культурный ландшафт как феномен культуры; самоорганизация, эволюция, целостность; традиционное горное жилище; традиционная культура как фактор ноосферы; каждый голос; общая гармония.

В контексте осмысления отечественной истории и специфики современной социокультурной ситуации в крымском регионе проблематика праздника приобретает особую актуальность. Веками и тысячелетиями Крым являлся центром взаимодействия западной и восточной цивилизаций. На небольшом пространстве полуострова сошлись судьбы множества народов, каждый из которых имеет свою историю, свою веками сложившуюся культуру. История крымского сообщества характеризуется сложными, в том числе, и кризисными событиями, память о которых нередко является объектом идеологических манипуляций. Спецификой сосуществования народов Крыма явилось, с одной стороны, стремление к этнокультурной самоидентификации, а с другой – необходимость интеграции для выработки стратегии выживания, моделей политической, экономической, культурной жизни, способной реализовать принцип диалога, точнее, диалогичности всех форм социокультурной деятельности как наиболее оптимального средства разрешения противоречий. Праздник изначально несёт в себе позитивную эмоционально-чувственную компоненту, способствующую созданию подлинной конструктивной диалогичности как основы реализации принципов толерантности и добрососедства. Однако, несмотря на явную необходимость всестороннего анализа, в обширной литературе, посвященной проблемам праздничной культуры, нет комплексного культурологического анализа диалогичности этнических праздников народов Крыма, что, на наш взгляд, представляется крайне важным для поликультурного региона. В настоящей публикации цель исследования состоит в выявлении концептуальной связи таких понятий, как «календарный праздник» и

«межкультурный диалог». Предметом нашего исследования, таким образом, является диалогический аспект календарного праздника.

Диалог – многоаспектное явление. В. Библер, развивая идеи М. Бахтина, высказанные, в частности, в [1], предостерегает от примитивного понимания диалога, только как его видов (научный, бытовой, моральный и т.д.), обращая внимание на то, что в «диалоге культур» речь идет о «диалогичности самой истины» [2, с. 299].

В. Библер также определил законы мышления как «диалогичку», а сам диалог как «оптимальную форму общения людей» – в реальной жизни, в активности воображения, в восприятии искусств. Именно диалогичность сущности культуры видит в ее различных проявлениях М. Каган: «диалогический контакт прошлого и будущего, культуры и природы, Запада и Востока...» [3, с. 401]. Формы диалога, утверждает мыслитель, могут быть различны, его движение – нелинейно. Утверждением идеи диалога явилось ее вхождение в поле философского мышления. Используя формулу В. Вернадского, М. Каган утверждает суть диалогичности как наличие полноправного «собеседника» и поиск такого контакта с ним, который, не устраняя субъективности, порождает бы «некое их духовное единство, некое «единство многообразия». Философ утверждает наступление эпохи «многомерного диалога», т.к. именно диалог должен стать «универсальным, всеохватывающим» способом существования культуры и человека. Поэтому общим законом существования культуры является диалогичность, противостоящая «всем формам монологического догматизма», ведущего нередко к трагическим последствиям» [там же, с. 402-404]. Среди многочисленных форм народной культуры именно календарный праздник имеет совершенно отчетливо выраженный диалогический потенциал, воплощая в себе важнейшие характеристики диалогичности: мультисубъектности, нелинейности пространственно-временных отношений, многомерности, добровольности участия, толерантности к Другому.

Формирование календарной обрядовой системы восточных славян происходила в догосударственный период, который носит название «праславянства». Именно на этой основе формировался народный календарь и, соответственно, календарные обряды и праздники. Исследователи считают, что эта система в своих определяющих чертах сложилась к IX–XII вв. до выделения из восточнославянской области украинцев и белорусов.

Древность календарно-обрядовых комплексов подтвердилась изысканиями археологов. Так, в 1908 году на Старокиевской горе были обнаружены предметы культа: каменный фундамент, часть глиняного пола, массивный столб с костями домашних животных у подножия – следы жертвоприношений. Эти находки датируются VI–VII вв. В 1975 году обнаружены следы храма с шестью статуями богов, стоявшими некогда на Перуновом холме, части кладки стен, чашевидная яма с кострищем и остатками костей животных, птиц, рыб, амулеты и предметы богослужения и т.п. Различные факты подтверждают языческую основу календарных обрядов, песен, припевок, приговоров и т.д., в значительной степени повторяющуюся или, по крайней мере, очевидно сходную для календарных праздников различных славянских народов среди которых русские представляют самую многочисленную группу. Первые сведения об их пребывании в Крыму

относятся к эпохе средневековья: в 988 году дружина русичей во главе с князем Владимиром осадила Херсонес и вступила в город. Здесь князь и его дружинники приняли так называемое «малое крещение», а затем крестили киевлян и Русь («большое крещение»). Известно, что в этом же городе Херсонесе существовал русский квартал, где жили в основном славяне. Об этом свидетельствует найденный здесь русский напрестольный крест с изображением святых Бориса и Глеба. Персидский писатель Ибн-ал-Биби рассказывает, что когда турки-сельджуки появились у берегов Солдайи (Судака), на помощь его жителям пришли русичи и кыпчаки (половцы). В Солдае проживали русские купцы, ремесленники, о чем свидетельствуют найденные при раскопках два русских пряслица и православный крест. В Солхате (Старом Крыму) среди аланов и кыпчаков прекрасно уживались и русичи. Имеются точные данные о том, что в Кафе (Феодосии) существовала русская церковь, – здесь постоянно проживали православные прихожане русичи [4].

Новый приток русских в Крым связан с присоединением последнего к России в 1783 г. Отставные солдаты, государственные крестьяне, купцы, ремесленники, крепостные таврических землевладельцев (со второй половины XIX века и освободившиеся от крепостной зависимости крестьяне) основали множество новых поселений, часто совместно с другими народами.

Приток в Крым русского населения наблюдался и на протяжении всего XX столетия. В 20-30-е годы в Крыму возник ряд сел, основанных рабочими пригородных слободок. Начиная с осени 1944 года русские (и украинцы, и белорусы) прибывали в Крым на восстановление разрушенного войной хозяйства. Переселение шло, в основном, из центральных областей России: Московской, Пензенской, Владимирской, Курской, Воронежской, из Ставропольского края. Жители России были вызваны в Крым также правительственными «Планами по вселению и перемещению населения в колхозы Крымской области (1950 г.)». Переселенцы прибывали из всех областей Российской Федерации. Русских в переселенческие села зачастую определяли на жительство совместно с прибывавшими украинскими и белорусскими переселенцами.

Согласно переписи населения 1989 года в Крыму проживало русских 1 688 200 чел., что составляло 68,7% от численности всего населения Крыма. В настоящее время численность несколько сократилась, изменилось и процентное соотношение, в связи с возвращением на полуостров депортированного крымского населения [там же].

У русских, как и у других этнических групп, праздники были связаны с фольклором. Об этом размышлял К.М. Кантор, соотносивший эти традиции с народными представлениями о красоте и духовном совершенстве: мастер народного искусства не отделяет себя в своих мыслях и чувствах от своего коллектива. В коллективе, где индивид еще не обособился в своем отношении к действительности, каждый его член несет в себе все внутренние духовные богатства рода. Так, образ Ильи Муромца вышел из недр народного мышления. «Составители и сказительницы былин не придумали образ сами, не наделяли его такими чертами, которые бы не были уже заранее известны как самим сказателям, так и слушающему их народу. Как сказители, так и слушатели заранее знали, кто такой Илья Муромец, каков его характер, какие подвиги он совершил. От себя сказители

добавляли незначительные детали и подробности лишь уточняя, поясняя то, что было заложено в этом образе еще до сказателя так, путем постепенных, незначительных, медленно совершающихся изменений, происходит историческое формирование образов народной поэзии». Так формировалась «духовная традиция, которая, оказывается... еще более живучей, чем традиция материальная» [5, с. 58-60].

Русские, так же, как и другие народы Крыма, сохранили в традиции праздник урожая, заимствованный из языческой веры.

Выделим уровни его структуры:

1. Субъектный уровень (так же, как и в других праздниках, субъекты выполняют разные функции).

- Члены семьи;
- замужние женщины;
- кумовья;
- дети;
- молодые девушки и парни.

2. Уровень материальных носителей смыслов и ценностей

- имя праздника – «Осенины» или «Оспожинки»;
- время: середина сентябрь;
- обрядовые стихии природы: огонь, вода, земля;
- особая еда и напитки: овсяный каравай, хлеб из нового урожая, каша (чаще всего, гречневая), горох, чечевица, бобы; медовуха, пиво;
- предметы быта, одежда и т.п.: старые вещи, обувь; новые лапти;
- игры, хороводные танцы.

3. Ценностно-смысловой уровень, связывающий компоненты первого и второго уровней с традициями, обрядами, верованиями и т.д.

В земледельческом календаре славян день 14 сентября называли «Осенинами» или «Оспожинками» и отмечали как праздник урожая. В этот день воздавалось Благодарение Матери-Земле. В начале сентября завершалась жатва, которая должна была обеспечить благосостояние семьи на будущий год. Кроме того, встреча осени отмечалась обновлением огня: старый огонь гасили и зажигали новый, который добывали ударами кремня. 1 сентября в полдень на капище община праздновала Осенины – день осеннего равноденствия и праздник урожая.

Осенины – макушка осени, праздник рожениц – Лады и Лели, матери и дочери – богинь плодородия. Не случайно с этого момента начинается пора свадеб, которая длится до самой Масленицы. На Осенины готовят обереги. Во избежание болезней и напастей жгут старые вещи и изношенную обувь, а детей обливают водой на пороге. Поношенные лапти вешают под крышу дома или скотного двора, чтобы никто не сглазил. Чем больше лаптей, тем надежнее защита. А в комнатах развешивается репчатый лук плетяницами, чтобы воздух был чистым и никакая зараза не проникла. Рано утром женщины выходят на берег реки, озера или пруда с овсяным караваем – встречать матушку Осенину.

Особой составляющей русских урожайных праздников является земледельческая песня. Постоянная прочная связь песенного творчества восточнославянских земледельцев с различными видами сельских работ, а также с их

общественным и семейным бытом, способствовала формированию разнохарактерных песенных жанров, различных по своим поэтическим и музыкальным образам. В календарный земледельческий цикл входили разнообразные в жанровом отношении песни: трудовые, величальные, обрядовые, заклички стихийных сил и явлений природы, хороводные игровые и, наконец, лирические.

По своим музыкально-стилевым особенностям трудовые земледельческие песни значительно отличаются от артельных трудовых припевок и выкриков-сигналов. пшеницу сеять.

Среди календарных (отчасти и свадебных величальных) песен нередко можно встретить напевы простейшего склада, основанные на повторности двух-трех музыкальных интонаций или мелодических оборотов. По своей форме такие напевы представляют собой небольшую песенную фразу, соответствующую одной только стиховой строчке (отсюда их название – однострочные напевы). Такова структура песен «Ой, кулики, жаворонушки», «Уж мы сеяли ленок», хороводной «А мы землю наняли». Некоторые из этих напевов завершаются припевом-возгласом, представляющим заключительный оборот напева с неизменно повторяемым словесным восклицанием.

В большинстве известных нам земледельческих трудовых песен вовсе не наблюдается заметной связи между ритмическими особенностями напева и ритмом трудовых движений. Связь с тем или иным видом земледельческого труда осуществляется в этих песнях в более опосредствованной форме, и прежде всего – в приуроченности их исполнения ко времени тех или иных полевых работ (чаще всего к покосу или жатве), а также в содержании их словесных текстов, рисующих картины весенней пахоты, сева, покоса или жатвы. Характерны в этом отношении весенние хороводные песни. Во многих из них встречаются живые описания подготовки лесного участка под пашню («А мы сечу чистили, чистили»), весенней пахоты, посева жита, пшеницы и проса, ухода за овощами, за техническими культурами льна и конопли. В числе их песни: «Ах, кто с нами пашеньку пахати», «А мы просо сеяли», «Земелюшка-чернозем», наконец, многочисленные хороводные песни, в которых рассказывалось о цикле разнообразных работ, связанных с уходом за льном и обработкой его волокон, вплоть до превращения их в пряжу и ткань («Кажу мне, матушка, как белый лен сеять», «Уж мы сеяли, сеяли ленок», «Посеяли девки лен»). Некоторые из этих песен сопровождалась игровым воспроизведением трудовых движений.

Картины труда нередки и в других календарных песнях: колядках, закличках весны, не говоря уж о песнях покосных и жатвенных. Так, поздравительная новогодняя песня Рязанской области «Ой, осень, ой, коляда» изображает величаемого хозяина как трудолюбивого пахаря («Он уехал в поле»).

Старинные народные песни вместе с сопровождающими их обрядами и обычаями дают представление не только о трудовой деятельности и общественно-бытовом укладе древних восточных славян, но и об их мировоззрении, верованиях, мифологических представлениях, связанных с поклонением солнцу, источнику жизни, а также с одушевлением различных явлений природы.

Специфическим является обряд, при котором девушки, провожая лето, устраивали мушиные похороны. Разодетые в праздничные наряды, они выносят

мух, тараканов и других насекомых в гробиках, сделанных из овощей. Парни стоят поодаль и наблюдают. Как только похоронный обряд заканчивается, они вовлекают девушек в хоровод и разгульные игры. «Хоровод (от греческого *χορός* – групповой танец с песней, хоровод, хор и общеславянского – водить) – синкретический вид народного творчества, объединяющий в разных соотношениях музыку (песенную или инструментальную), танец и игровое действие.

Хороводы распространены у многих народов; в ряде языков их названия близки или совпадают: *ehorovod* (чешское), *korovod* (польское), коровод – украинское), карагод (белорусское), *körtanc* (венгерское), хӧро (болгарское), хори (сербско-хорватское), хорэ (молдавское), оро (македонское), хоруми (грузинское). Хороводы восходят к эпохе общинно-родового строя. В народной традиции сохранились хороводы, языческими обрядами (грузинское «Лилео» – поклонение солнцу)» [6, с. 70].

Видное место в песенном творчестве русского народа занимают песни, сопровождаемые движением, пляской, игрой. К числу их принадлежат хороводные и плясовые песни.

В старину у древних восточных славян хороводные песни входили в календарный земледельческий песенный цикл, являясь разновидностью весенних песен. Во многих украинских и белорусских местностях хороводные игры (так называемые «танки» и «гайвки») сохранили связь с весенним временем года до наших дней. Приуроченность отдельных хороводных песен к весне имеет место и в русском песенном фольклоре (например, песня «А мы просо сеяли»). Именно такого рода песнями во многих местностях ежегодно открывались весенние хороводные гулянья.

Позднее в Московской Руси хороводы и хороводные песни постепенно выделились из календарного весеннего цикла в самостоятельную область театрально-хореографического и песенного творчества. Хороводы стали водиться на протяжении почти всего теплого времени года, а по большим праздникам даже и зимой.

По характеру движения хороводы можно разделить на две основные группы: круговые и некруговые хороводы-игры и хороводы-шествия. Круговые хороводы (в народном наименовании «караводы», «карагоды»; на севере и в Сибири – «круги») в большинстве сопровождались драматизированным разыгрыванием сюжета песни. В центре круга один, двое или несколько солистов-актеров разыгрывали песню в лицах. Иногда основу такой драматической инсценировки составлял прозаический речевой диалог, чередуемый с хоровым припевом, в других случаях – песенный диалог. Нередко хороводная игра представляла собой своеобразное комедийное действие без слов, разыгрываемое с помощью жестикуляции и мимики на фоне хорового исполнения песни. В ряде среднерусских местностей участники хороводных игр выработали целую систему условных игровых приемов и жестов, определявшуюся термином, «рассуждать».

К хороводам-играм примыкают также некоторые некруговые формы с разделением участников на два хора (обычно парней и девушек) и движением «стена на стену» («Просо», «Бояре», «Подойду, подступлю под Царьград»).

В хороводах-шествях на первый план выдвигалось хореографическое начало. Песни, сопровождавшие их, назывались «ходовыми», «уличными»; в юго-западных, южнорусских местностях (и на Украине) «таночными» (от местного названия хоровода – «танок»). Движение в хороводах-шествях разнообразно: ходьба рядами, «гуськом», «цепью», «змейкой», прохождение «через воротца», колонна расходящихся пар.

Обычно, хоровод-шествие или танок возглавлялся особой хороводницей, лучшей запевалой и затейницей, которая вела хороводную цепь красивыми извивами, замысловатыми зигзагами. Иногда движение хороводной цепи имело изобразительный характер: оно воспроизводило «заплетание» и «расплетание» плетня («Заплетися, плетень»), перевиванье хмеля («Как за реченькой яр-хмель»), завиванье капустки («Вейся, вейся, капустка»).

Рядом с хороводной песней другим массово распространенным песенным жанром является плясовая песня, исполняемая под пляску.

Русская народная хореография характеризуется богатством и разнообразием танцевальных движений, собственно танцевального шага, поступи, жестов, фигур и других элементов мужской и женской пляски. В подвижных и стремительных русских плясках «вприсядку» и с подскоком выражаются такие национальные качества русского характера, как сила, мужество, смелое удалство, и – наряду с этим – горделивое сознание собственного достоинства. Иные особенности присущи плавной женской и девичьей пляске. Традиционная русская женская и девичья пляска – степенная, строгая, сдержанная, заключалась в плавном скольжении на мелком шагу, иногда с припрыжкой на месте. Вместе с тем в некоторых местностях в женских плясках широко использовались и четкие мерные «дробь». В северных местностях женщина «плывет лебедушкой», чуть заметно переступая с ноги на ногу или же скользит, не отнимая ног от пола. Большая роль принадлежит при этом одухотворенной мимике лица и выразительной пластике рук, подчеркивающей грациозную женственность, а также присущую русской женщине горделивую и строгую манеру держаться.

Подобно хороводу, русская пляска сопровождается звучанием песни в исполнении хора или же небольшого ансамбля духовых и струнных народных инструментов (со второй половины XIX века также гармоники). Под одни и те же песни и плясовые наигрыши, в разных русских местностях исполнялись пляски различного характера: плавные, величавые женские и удалые молодецкие.

К вечеру все собирались на сход – братчину – для решения мирских и частных дел. Затем начинались праздничные угощения, которые готовились складчиной, на общий стол. В честь рожениц пускались круговые чаши с медовухой. На Осенины совершали постриг отрока на четвертом году жизни. Для сего действия созывали родных, приглашали кумовей. Кум выстригает локон волос, а мать зашивает их в мешочек – оберег. Родители приглашают все за стол. Среди обильного угощения обязательно должна присутствовать каша. Наибольшим уважением на Руси пользовалась греча. А еще на стол ставили распаренный горох, чечевицу или бобы. Осенины, или как их еще называют – Оспожники, встречают не один день – чем урожайнее лето, тем богаче и продолжительнее праздник.

С «Осенин» основная хозяйственная деятельность переносилась с поля в огород или в дом: начинался сбор овощей (прежде всего, заготавливали лук).

Обычно в Осенины устраивались угощение, на которое собиралась вся семья. Для праздника варили пиво и закалывали овцу (барана). Из муки нового урожая пекли пирог. Славили Мать-сыру-землю за то, что родила хлеб и другие припасы. Поскольку с этого дня начинался сбор хмеля, на праздничном гулянье пели соответствующие игровые песни. Вторые Осенины отмечали 21 сентября, они совпадали с праздником Рождества Пресвятой Богородицы. Третьи Осенины приходились на 27 сентября [7].

Итак, мы наблюдаем синкретичное сосуществование языческих и христианских смыслов праздников урожайного цикла; присутствует внерелигиозная, связанная с природой, а не с идеологией, доминанта: даты, отмечающие фазы праздника, отсылают нас как будто бы к христианству, тем не менее, это лишь внешние соприкосновения с религией, - аналогично тому, как это происходит на праздниках урожая других, причем не только славянских, народов, таких, например, как «Обжинки», «Дервиза», «Вардавар». Глубинный смысл здесь – единение с природой, поэтизация тяжелого труда, закладывание годового цикла жизни народа.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений : [В 5 тт.]. – М. : Русские словари, 1996. – Т.5. – С.7-10.
2. Библер В.С. Мышление как творчество (Внедрение в логику мысленного диалога) / В.С. Библер. – М. : Политиздат, 1975. – 399с.
3. Каган М.С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 584с.
4. Савинова О.В. Русские. Историческая справка: [Электронный ресурс] / О.В. Савинова. – Режим доступа: [<http://www.crimea.edu/crimea/etno/ethnos/russkie/#hist>].
5. Кантор К.М. Красота и польза. Социологические вопросы материальной и художественной культуры / Карл Моисеевич Кантор. – М. : Искусство, – 1967. – 280 с.
6. Музыкальная энциклопедия / [гл. ред. Ю.В. Калдыш]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. – 1008 с.
7. Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: О.Г. Баранова, Т.И. Зимина и др. – СПб. : Искусство, 2001. – 672 с.

Брижак О.В. Культурний феномен календарного свята: діалогічний аспект (на прикладі свята «Осеніни») / О.В. Брижак // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66), – № 1. – С. 21-29.

Виявлено діалогічний потенціал свята «Осеніни». Відзначається синкретичне співіснування язичницьких і християнських смислів свят врожайного циклу; підкреслюється пов'язана із природою, а не з ідеологією, смислова домінанта: дати, що відзначають фази свята, відсилають нас начебто б до християнства, проте, це лише зовнішні зіткнення з релігією, - аналогічно тому, як це відбувається на святах врожаю інших, причому не тільки слов'янських, народів, таких, наприклад, як «Обжинки», «Дервіза», «Вардавар».

Ключові слова: свято врожаю «Осеніни», календарне свято, свято, міжкультурний діалог.

Bryzhak O.V. Cultural phenomenon of calendar holiday: the dialogical aspect (on the example of the holiday "oseniny") / O.V. Bryzhak // Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. – Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66), – No 1. – P. 21-29.

Within the context of understanding Ukrainian history and the specifics of contemporary socio-cultural situation in the Crimean region the topic of holiday gets special importance. Crimea is the center of the interaction of Western and Eastern civilizations because cultures of many nations, with their own history coincided in a small area of the peninsula. The history of the Crimean community is characterized by complex, including crisis, events, the memory of which is often among the subjects for ideological manipulation.

The specificity of coexistence among peoples in the Crimea, on the one hand, is the aspiration to the ethno-cultural identity, and on the other - the necessity of working out the strategy for surviving, models of political, economic and cultural life, which could be able to implement the principle of dialogue, or rather, all forms of dialogic sociocultural activity as the most appropriate means for resolving contradictions. Holiday cares positive emotional and sensual component which provides creation of real constructive dialogue as the basis for implementing the principles of tolerance and good-neighborliness. The dialogic potential holiday "Oseniny" is revealed. It is marked the syncretic coexistence of pagan and Christian meanings of the holiday of harvesting cycle and emphasized the non-religious, associated with nature, rather than ideology, semantic dominant – in the same way as it does on other harvest festivals, celebrated not only by Slavic peoples, such as "Obzhynki", "Derviza", "Vardavar".

Keywords: harvest festival "Oseniny", calendar holiday, holiday, intercultural dialogue.